

В.В. Зеньковский

**Современное состояние психофизической
проблемы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В11 **В.В. Зеньковский**
Современное состояние психофизической проблемы / В.В. Зеньковский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 42 с.
ISBN 978-5-458-54427-6

ISBN 978-5-458-54427-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Современное состояніе психофизической проблемы.

Психофизическая проблема или проблема связи души и тѣла въ настоящее время является одной изъ наиболѣе центральныхъ темъ, вокругъ которыхъ вращается современное философское творчество. Кто слѣдитъ за русской философской мыслью, тотъ, пожалуй, едва ли согласится съ этимъ,—но чтеніе повременныхъ философскихъ журналовъ, издающихся въ Западной Европѣ и особенно въ Германіи, убѣждаетъ въ томъ, что психофизическая проблема привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе современныхъ мыслителей. Однако, разбраться въ движеніи философской мысли, поскольку оно вылилось въ разработкѣ указанной проблемы, отдать себѣ отчетъ въ борьбѣ мнѣній и занять опредѣленную позицію по отношенію къ тѣмъ или инымъ теоретическимъ построеніямъ въ данномъ направленіи—является дѣломъ очень нелегкимъ въ виду того, что литература по этому вопросу чрезвычайно разбросана.

Въ этомъ отношеніи очень цѣннымъ является недавно появившійся трудъ проф. Busse—*Geist und Körper, Seele und Leib*, дающій возможность ознакомиться съ основными теченіями философской мысли въ разработкѣ психофизической проблемы. Но въ виду значительнаго объема книги Busse и недоступности ея для многихъ русскихъ читателей, незнакомыхъ съ нѣмецкимъ языкомъ, мы считаемъ не лишнимъ дать краткій очеркъ современнаго состоянія психофизической проблемы.—Мы не будемъ, конечно, останавливаться на деталяхъ,—но все таки подробно изложимъ основные пункты проблемы. Считаемо необходимымъ замѣтить, что, слѣдуя

въ общемъ книгѣ Busse, мы во многихъ мѣстахъ излагаемъ вопросъ по другимъ авторамъ, принимавшимъ участіе въ разработкѣ вопроса о душѣ. Нѣкоторыя же главы (особенно это надо сказать о теоріи причинности, которой Busse удѣляетъ мало мѣста) излагаютъ матеріалъ, не использованный Busse.

Въ свое время въ Россіи особенной популярностью пользовалось то рѣшеніе психофизической проблемы, которое носитъ названіе матеріализма. Согласно этому пониманію связи души и тѣла, душа является или физическимъ явленіемъ (душа есть матерія, душа есть движеніе) или же *продуктомъ*, дѣйствіемъ физическихъ явленій. Разумѣется, при такомъ пониманіи психическаго, какое устанавливалъ матеріализмъ, въ проблемѣ связи души и тѣла было такъ же мало загадочнаго и непонятнаго, какъ, напримѣръ, въ проблемѣ связи тепловыхъ и механическихъ процессовъ. Но матеріализмъ, бывшій, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ философскимъ недоразумѣніемъ, давно уже вымеръ,—и главнымъ результатомъ побѣды надъ матеріализмомъ нужно считать распространеніе той идеи, что психическое бытіе, имѣя признаки, рѣзко отличающіе его отъ матеріальнаго міра, обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ независимостью. Эта идея, какъ ясно само собою, не только не устраняла психофизической проблемы, но именно съ особенной настойчивостью выдвигала ее. Первичнымъ, эмпирически даннымъ фактомъ является то, что душа связана съ тѣломъ,—и какъ бы гносеологія ни освѣщала вопросы о природѣ духа и матеріи, все таки въ объясненіи нуждается тотъ фактъ, что „эта данная душа соединена именно съ этимъ тѣломъ“ ¹⁾ и составляетъ съ нимъ то эмпирическое единство, въ которомъ каждый самъ по себѣ увѣренъ.

Съ уничтоженіемъ матеріализма и признаніемъ независимости духа, осталось всего двѣ возможности истолкованія связи души и тѣла: либо возможно признать, что душа и тѣло (или вообще двѣ сферы бытія—духъ и матерія) находятся въ причинномъ взаимодѣйствіи или же можно не признавать этого. Если не признавать возможности причинныхъ связей между душой и тѣломъ, то остается

¹⁾ Schuppe. Der Zusammenhang von Leib und Seele S. 2.

всего одинъ способъ истолкованія факта связи души и тѣла—именно признать параллелизмъ душевныхъ и тѣлесныхъ (въ частности нервныхъ) процессовъ. Такимъ образомъ in abstracto психофизическая проблема можетъ имѣть всего два рѣшенія—либо параллелизмъ либо признаніе причиннаго взаимодействія. Впрочемъ въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что такая формулировка не вполне соответствуетъ дѣйствительности, что правильнѣе было бы сказать: при *научномъ* рѣшеніи вопроса о связи души и тѣла возможно либо признавать психофизическую причинность либо отрицать ее и признавать замкнутую причинную цѣпь физическаго и психическаго рядовъ. Чтобы сдѣлалось понятнымъ, почему дѣло такъ обстоитъ именно при научномъ истолкованіи психофизической проблемы, достаточно вспомнить, что существуетъ цѣлый рядъ мыслителей—защитниковъ „научной“ философіи,—отрицающихъ возможность метафизическихъ построеній, метафизическихъ дополненій къ даннымъ опыта. Поэтому многіе, не считая возможнымъ признать причинную связь между психическими и тѣлесными процессами, не считаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможнымъ говорить и о параллелизмѣ этихъ процессовъ, такъ какъ единственно на что уполномочиваетъ опытъ, по мнѣнію этихъ мыслителей,—это признать независимость причинныхъ рядовъ психическаго и физическаго. Если иные мыслители (какъ напр. Эббингаузъ, Паульсенъ, Геймансъ и др.) и защищаютъ теорію параллелизма, то у нихъ дѣло идетъ не о параллелизмѣ онтологическомъ—т. е. о параллелизмѣ самихъ процессовъ, а только о *параллелизмѣ нашего воспріятія* двухъ рядовъ явленій. Иначе говоря, по мнѣнію иныхъ противниковъ теоріи взаимодействія, *нервные и психическіе процессы не совершаются, а только воспринимаются нами параллельно*. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, нельзя говорить, что при рѣшеніи психофизической проблемы возможны всего двѣ теоріи—теорія параллелизма и теорія взаимодействія. Болѣе соответствующимъ фактамъ было бы говорить (какъ это мы убѣдимся въ дальнѣйшемъ) о теоріи, признающей возможность взаимодействія, и теоріи, не признающей этого взаимодействія.

Буссе ¹⁾, изслѣдуя вопросъ объ „истинномъ“ и „не истинномъ“ параллелизмѣ, приходитъ однако къ справедливому выводу, что параллелизмъ не можетъ быть не метафизическимъ, такъ какъ,

¹⁾ Busse 67—86.

основываясь, главнымъ образомъ, на невозможности психофизической причинности, онъ исходитъ изъ такихъ аргументовъ, какъ признаніе замкнутой естественно-научной причинности. Конечно это послѣднее положеніе отнюдь не можетъ быть признано опытнымъ положеніемъ; выходя за предѣлы опыта и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяя на самое истолкованіе опыта,—т. е. не могущее ни быть доказаннымъ, ни опровергнутымъ опытомъ, это положеніе является чисто метафизическимъ, а слѣдовательно всѣ тѣ выводы, какіе дѣлаются изъ него, не могутъ быть признаны имѣющими только эмпирический характеръ. Въ силу этого точка зрѣнія такъ наз. эмпирическаго параллелизма, если она основывается на такихъ утвержденіяхъ, какъ принципъ замкнутой естественно-научной причинности, по существу содержитъ въ себѣ логическое противорѣчіе (и это особенно надо сказать про Вундтовскій „принципъ эмпирическаго параллелизма“, формулируемый имъ въ Психологін) ¹⁾.

Мы уже упомянули, что противниками теоріи взаимодѣйствія являются мыслители, очень различно понимающіе теорію параллелизма, которую имъ приходится защищать, выступая противъ теоріи взаимодѣйствія. Поэтому мы, прежде всего, укажемъ на главные типы параллелистическихъ теорій. Упомянемъ, прежде всего, о томъ типѣ параллелизма, который въ настоящее время встрѣчается очень рѣдко, который, однако, сыграть въ исторіи мысли громадную роль. Мы говоримъ о спинозизмѣ. Его основной чертой является *реализмъ*, переходящій въ *дуализмъ*: для Спинозы, главного представителя такого пониманія, физическое и психическое, по характеру своего бытія, *равноцѣнны* и одинаково реальны (если не смотрѣть конечно на атрибуты, какъ на формы нашего мышленія, субъективныя построенія, — какъ это думали Тренделенбургъ и Эрдманнъ; пониманіе ихъ достаточно опровергнутое, теперь уже не раздѣляется историками философій ²⁾). Дуализмъ у Спинозы превращается въ *монизмъ* субстанціи, атрибутами которой являются „мышленіе и про-

¹⁾ Что же касается до такого пониманія параллелизма, при которомъ онъ вытекаетъ не изъ принципа замкнутой причинной цѣпи физическаго ряда, а изъ гносеологическихъ данныхъ,—то эта форма его, не содержащая по существу противорѣчій, тоже не можетъ быть удержана, какъ это выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія.

²⁾ См. объ этомъ Kuno-Fischer Gesch. d. n. Phil. B. II. S. 389, ff. Виндельбандъ. Исторія новой философій. Стр. 170. Фалькенбергъ. Исторія новой философій 116.

тяженіе". Однако, какъ извѣстно, Синнозъ не удалась попытка уяснить единство субстанціональнаго бытія того, что распадается атрибутивно на два ряда явленій,—и по отношенію къ нему можно признать правильными слова Штумфа въ его рѣчи на международномъ психологическомъ конгрессѣ въ Мюнхенѣ: „единая субстанція, которая должна раскрываться въ двухъ атрибутахъ протяженія и мышленія, является только *словомъ*, которое выражаетъ потребность избѣжать дуализма, но въ дѣйствительности не устраняетъ его" ¹⁾. Понятно поэтому, что защитники синнозовскаго реалистически-монистическаго параллелизма особенное вниманіе обратили на то, чтобы уяснить субстанціональное единство физическаго и психическаго. Со временъ Фехнера у психологовъ въ большемъ ходу примѣненіе для этого *образовъ*, которые должны уяснить единство двусторонняго бытія (такъ называемая *Zweiseitentheorie*). Однако значеніе *такихъ* попытокъ раскрыть единство бытія, само собою разумѣется, невелико, и ихъ вполне правильно одѣнваетъ Риккертъ, говоря, что они оказываютъ такую же плохую услугу параллелизму, какъ и знаменитый матеріалистическій образъ Фохта —материализму. Но если образы не пригодны, какъ философскіе аргументы, то минимой оказалась и цѣнность ихъ для истолкованія самой *возможности* единства. Въ типичномъ примѣрѣ Фехнера психическое и физическое признаются такими же двумя сторонами „единого“, какъ выпуклое и вогнутое являются двумя сторонами одной кривой линіи. Но ясно, что на ряду съ двумя сторонами приходится признать нѣчто третье, которое уже не является ни психическимъ ни физическимъ, такъ какъ кривая линія *имѣетъ* выпуклую и вогнутую сторону, но сама не есть ни то ни другое. Такимъ образомъ, признавая теорію двусторонности (*Zweiseitentheorie*) и допуская нѣчто третье, связующее эти двѣ стороны въ нѣчто единое, мы не уничтожаемъ дуализма: вѣдь вогнутое и выпуклое, существуя не сами по себѣ, а только въ линіи, все таки различны,—и образъ Фехнера не объясняетъ „почему вещи, которыя такъ различны, все же суть стороны одного и того же единого“ (Слова Ремке. Цит. по Busse p. 133). Чтобы выйти изъ такого затрудненія, говорили (Фехнеръ, Лассвицъ, Адикесъ), что обѣ стороны едины сами по себѣ, безъ всякаго третьяго, что то, что съ одной стороны представляется,

¹⁾ Stumpf. Leib und Seele. S. 16.

какъ нервный процессъ, есть въ *то же время* психическій процессъ. Но это приравниваніе двухъ одному (два процесса есть въ то же время одинъ процессъ), хотя дѣлаетъ возможнымъ монизмъ, но совершенно уничтожаетъ, какъ это указалъ Ремке ¹⁾, различіе психическаго и физическаго. Такимъ образомъ, можно либо признавать на ряду съ двумя сторонами нѣчто третье—въ такомъ случаѣ не удастся устранить дуализмъ,—либо отрицать это „третье“,—но въ такомъ случаѣ, пренебрегая различіями двухъ сферъ бытія, совершаютъ ту же ошибку, какую допускали матеріалисты. Приходится поэтому признать, что *точка зрѣнія реалистически-монистическая не можетъ быть признана удовлетворительной позиціей.*

Особенностью и преимуществомъ реалистическаго параллелизма является то, что на почвѣ его дѣйствительно можно говорить о *параллелизмѣ процессовъ* (нервныхъ и психическихъ). Благодаря этой особенности, удастся отвѣтить на вопросъ о связи данной души съ даннымъ тѣломъ,—такъ какъ нервные и психические процессы въ дѣйствительности совершаются параллельно. Однако, на *точкѣ зрѣнія* реализма очень трудно остановиться въ виду гносеологической спорности ея. Большинство современныхъ мыслителей частично или вполне феноменалисты, т. е. видятъ либо въ матеріальныхъ либо и въ матеріальныхъ и психическихъ процессахъ только *явленія*, которые существуютъ только эмпирически, т. е. будучи кѣмъ нибудь, какимъ нибудь сознаниемъ воспринимаемы. Болѣе стройная точка зрѣнія несомнѣнно—у чистыхъ феноменалистовъ, уничтожающихъ трансцендентность какъ субъекта такъ и объекта: и матеріальный и психическій міръ онтологически равноцѣнны,—и потому логически возможно говорить о „параллелизмѣ“ двухъ рядовъ. Между тѣмъ для частичныхъ феноменалистовъ, отрицающихъ трансцендентность объекта, но признающихъ, что въ субъектѣ раскрывается „дѣйствительность сама по себѣ“, приходится признать „параллелизмъ“ между двумя совершенно неравноцѣнными рядами—между вещью въ себѣ и явленіемъ. Въ какомъ смыслѣ здѣсь можно говорить о параллелизмѣ? Реально совершаются процессы, по природѣ своей психическіе,—но, будучи восприняты чьимъ нибудь сознаниемъ, эти процессы воспринимаются, какъ матеріальные процессы. Реально этихъ матеріальныхъ процессовъ *нѣтъ*: они существуютъ

¹⁾ Busse p. 140.

постолько, поскольку они воспринимаются чьимъ нибудь сознаниемъ. Поэтому нужно считать просто недоразумѣніемъ, если напр. Паульсенъ, Геймансъ и др. говорятъ о параллелизмѣ—они признаютъ, въ сущности, нѣчто другое. То же надо сказать, и о представителяхъ полнаго феноменализма (какъ Эббингаузъ), гносеологическую точку зрѣнія которыхъ можно было бы также характеризовать какъ *эмпирическій дуализмъ*. Оба ряда явленій не совершаются параллельно—такъ какъ реально они не существуютъ¹⁾. Поэтому о параллелизмѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Эргардтъ (Psychophysische Parallelismus und Erkenntnistheoretische Idealismus. S. 4) говоритъ по этому поводу совершенно справедливо: „если параллелизмъ можетъ имѣть смыслъ, то онъ долженъ быть мыслимъ *реалистически*: необходимая предпосылка параллелизма—это признаніе реальности психическихъ и матеріальныхъ процессовъ“. Къ сожалѣнію, защитники идеалистической гносеологіи не сознаютъ этого и утверждаютъ, что они развиваютъ именно теорію параллелизма. Всѣ ихъ попытки доказать, что ихъ пониманіе связи душевныхъ и тѣлесныхъ процессовъ—параллелистическое, оказались несостоятельны, но чтобы дать понятіе о современныхъ параллелистическихъ конструкціяхъ, мы остановимся на этомъ. Особенно тщательно-продуманную конструкцію далъ Геймансъ. Пусть психическій процессъ, происходящій въ С, наблюдается В; В представляетъ себѣ процессъ въ С, какъ мозговой процессъ; но надъ В наблюдаетъ А,—и тотъ актъ представленія у В, когда В наблюдаетъ въ С мозговой процессъ, для А самъ представляется какъ мозговой процессъ. Явленіе въ В, такимъ образомъ, есть „наблюденіе“, „психическое“ явленіе, если мы не обращаемъ вниманія на *содержаніе* этого наблюденія и отвлекаемся отъ него (иначе—оно будетъ „психическимъ“ съ точки зрѣнія А); если же мы возьмемъ наблюденіе В съ точки зрѣнія его *содержанія*, то оно будетъ принадлежать физическому ряду (такъ какъ для идеалистической гносеологіи представленіе мозгового процесса и будетъ тѣмъ, что наивный реализмъ называетъ „мозговымъ процессомъ“). Если мы

¹⁾ Надо отмѣтить, что въ то время, какъ Паульсенъ и Геймансъ настойчиво стоятъ за параллелизмъ, Эббингаузъ противъ термина „параллелизмъ“, такъ какъ его теорія исчерпывается отрицаніемъ взаимодействія. „Двойственность обнаруженія—дѣйствительна, говоритъ онъ (Grundzüge der Psychologie S. 47),—и только въ этомъ смыслѣ можно говорить о параллелизмѣ.

говоримъ о *представленіи* мозгового процесса, мы говоримъ о психическомъ явленіи.—а если говоримъ о представленіи *мозгового процесса*—то дѣло идетъ о мозговомъ процессѣ. Въ дѣйствительности быть актъ *единый*,—но у насъ онъ разбивается на два ряда въ зависимости отъ того, отвлекаемся ли мы отъ содержанія или отъ субъекта—и становится то психическимъ, то физическимъ. Параллелизмъ существуетъ, такимъ образомъ, между *явленіемъ* (поскольку дѣло идетъ о содержаніи) и представленіемъ этого явленія (поскольку дѣло идетъ о самомъ актѣ представленія (Das Vorstellen)). Теперь ясно, что Геймансъ прошелъ *мимо* психофизической проблемы, такъ какъ параллелизмъ долженъ существовать между мозговымъ процессомъ у С и психическимъ актомъ у *того же* С¹⁾.

Геймансъ, пытаясь представить параллелистическую конструкцію, сталъ говорить совсѣмъ не о ней.—а объ извѣстномъ гносеологическомъ фактѣ, который такъ хорошо формулировалъ Вундтъ, говоря, что одинъ и тотъ же опытъ (въ составъ котораго, по терминологіи Вундта, входятъ „объекты представленія“) разбивается на двѣ сферы опыта лишь потому, что у насъ возникаютъ гипотезы субъекта и объекта, по отношенію къ которымъ одинъ и тотъ же отрывокъ опыта разбивается на міръ внутренний и внѣшній. Самъ Вундтъ изъ этого, какъ и Геймансъ, постулировалъ необходимость параллелизма, причемъ (въ Системѣ философіи) онъ считаетъ необходимымъ признаніе параллелизма при признаніи его теоріи познанія (Syst. d. Phil. 601, рус. пер. 374). Ошибка здѣсь ясна. При обсужденіи психофизической проблемы дѣло идетъ *не объ одномъ и томъ же опытѣ*, который представляется то какъ внѣшній, то какъ внутренний. Наоборотъ, то, что является внѣшнимъ опытомъ по отношенію къ душевнымъ процессамъ, есть первный процессъ, *никогда не могушій быть воспринятымъ тѣмъ же субъектомъ*, который переживаетъ душевные процессы, параллельные этимъ нервнымъ

¹⁾ Busse, 149. Ошибка Гейманса въ томъ, что онъ на мѣсто параллелизма между какимъ нибудь представленіемъ у меня и тѣмъ внѣшнимъ воспріятіемъ этого представленія, которое для другого представится какъ мозговой процессъ, говоритъ о томъ, что мое представленіе, взятое со стороны субъекта, есть психическое явленіе,—взятое же со стороны содержанія—физическое явленіе. Такимъ образомъ, здѣсь констатируется фактъ гносеологической двойственности нашихъ переживаній, а не фактъ параллелизма представленія и мозгового процесса, какъ внѣшняго обнаруженія его.

явленіямъ. Да если бы даже онъ и воспринималъ свои первные процессы, то это, какъ справедливо указываетъ Буссе (152), будутъ уже другіе душевные процессы. Положимъ я переживаю психическій процессъ *a*; это *a*, будучи мной воспринято при помощи внѣшнихъ чувствъ, будетъ нервнымъ процессомъ *a'*; мое воспріятіе первнаго процесса (*a'*) не будетъ, конечно, *одновременно* съ *a* (См. подробнѣе объ этомъ у Буссе 152) и потому будетъ уже *новымъ* представленіемъ, *новымъ* переживаніемъ. Психофизическая проблема и состоитъ въ опредѣленіи отношеній этихъ *двухъ* (въ данномъ случаѣ послѣдовательныхъ) опытовъ.

Ближе касаться идеалистическихъ конструкцій и ихъ трудностей я, въ виду условій мѣста, не буду и отсылаю интересующихся къ Буссе (146—162).

Что психофизическая проблема совсѣмъ не можетъ быть понята такъ, какъ ее понялъ Геймансъ и кое гдѣ въ своихъ работахъ Вундтъ, это прекрасно сознали Паульсенъ и Эббингаузъ. Они сознали, что дѣло идетъ не о разложеніи одного и того же явленія на два ряда съ точки зрѣнія субъекта и объекта,—что дѣло идетъ о *двухъ опытахъ*, и на этомъ они и основываютъ свой *гносеологическій* аргументъ въ защиту параллелизма.

Мы видѣли, что о параллелизмѣ *процессовъ* нервныхъ и душевныхъ возможно говорить, только стоя на реалистической точкѣ зрѣнія; съ идеалистической же точки зрѣнія можно говорить, какъ мы уже указывали, о *параллелизмѣ воспріятія*. Паульсенъ и Эббингаузъ исходятъ въ своей защитѣ такого пониманія параллелизма изъ того факта, что „одновременно никогда не могутъ быть констатированы реальности внутренняго міра и реальности—мозгъ и нервная система“¹⁾. То же говоритъ и Паульсенъ. Въ черепъ какогонибудь животнаго, увеличенномъ до размѣровъ мельницы можно было бы увидать рядъ физическихъ процессовъ; психическихъ процессовъ, мыслей видно не было бы. Да представленія и не могутъ быть предметомъ наблюденія²⁾.

Чтобы оцѣнить значеніе этого аргумента, мы постараемся изъ него извлечь выводы.—Констатируя тотъ фактъ, что какъ бы ни смотрѣть на нашъ мозгъ, но въ немъ мы всегда будемъ наблюдать

¹⁾ Grundzüge der Psychologie. S. 3.

²⁾ Einleitung in die Philosophie 5. Auf. S. 87. 88.

только физиологическіе процессы, мы констатируемъ то, что способъ и путь изученія такъ называемаго „внѣшняго міра“ иной, чѣмъ „внутренняго міра“,—такъ какъ „увидѣны“, „услышаны“ могутъ быть только реальности внѣшняго міра (Вундтъ излагаетъ это какъ фактъ, что при установленіи причинной связи въ матеріальныхъ процессахъ мы идемъ не тѣмъ путемъ, какъ при установленіи психической причинности; см. объ этомъ ниже). Изъ этого факта дѣлаютъ выводъ, что взаимодействіе между двумя рядами, которые познаются такъ, что констатируя одинъ рядъ мы не констатируемъ другого,—невозможно. Однако ясно, что изъ этого факта, который безъ сомнѣнія правильно констатированъ, *вовсе не слѣдуетъ*, что физическій рядъ *можетъ* быть познанъ *per se*,—и непрерывность физического ряда, необходимая для этого, есть только *гипотеза*. Да если бы мы и признали независимость обоихъ рядовъ и говорили о параллелизмѣ воспріятія нервныхъ и душевныхъ процессовъ, то мы все таки не рѣшили бы психофизической проблемы, которая состоитъ въ томъ, что душа *связана* съ тѣломъ.

Реалистическій параллелизмъ процессовъ объясняетъ *связь* души и тѣла, такъ какъ соотвѣтственно матеріальной индивидуальности, соотвѣтственно матеріальному *организму*, на психической сторонѣ мы имѣемъ *душу*, психическую индивидуальность. При параллелизмѣ процессовъ воспріятія обоихъ рядовъ дѣло идетъ лишь о замкнутыхъ причинныхъ рядахъ, а *связь* души и тѣла совершенно не объясняется. Поэтому въ указанной формѣ параллелизма констатируется лишь *мисеологическое* положеніе о независимости рядовъ. Но психофизическая проблема, вопросъ о *связи* души и тѣла не рѣшается.

Если при реалистическомъ параллелизмѣ нервныя и психическіе процессы текутъ параллельно, то самый фактъ связи наглядно констатируется образомъ параллельныхъ линій, которыя все время находятся въ *одной плоскости*. При томъ же параллелизмѣ, который исчерпывается констатированіемъ независимости причинныхъ рядовъ, эти линіи (символически рисующіе эмпирические процессы) *могутъ находиться въ разныхъ плоскостяхъ*,—и эмпирический фактъ неизмѣнной связи данной души съ даннымъ тѣломъ остается безъ истолкованія.

У Паульсена анализированный идеалистическій параллелизмъ усложняется тѣмъ *метафизическимъ* аргументомъ, что внѣшній міръ